

Алексей Гараджа

Максим Тирский о сократической любви (Or. 18–19)*

ALEXEI GARADJA

MAXIMUS OF TYRE ON SOCRATIC LOVE (OR. 18–19)

ABSTRACT. Maximus of Tyre (fl. late 2nd century AD) is most poorly and confusedly attested by ancient sources. The best testimony to be found is his extant collection of 41 *Orationes*, or *Dissertationes*, addressing a wide range of topics, including the issue of ‘Socratic love’ (Or. 18–21), i.e. of Plato’s theory of eros dealt with by the latter, *imprimis*, in his dialogues *Symposium* and *Phaedrus*. Maximus of Tyre may be dubbed a ‘Platonist’, though not in a scholastic vein (as, e.g., his contemporary and sometime neighbour in the manuscripts Albinus), but rather as an author who strived to mould his own writings in the spirit and style of Plato’s works. The author closest to Maximus may have been Favorinus of Arelate (ca. 80 – ca. 160). As a widely educated person, Maximus shows a good knowledge of Plato as well as of other ancient authors, whose many fragments (e.g., of Sappho and Anacreon) are extant solely thanks to his quotations. Maximus is scarcely known in the Russian language: a few translations of the last century are based on an obsolescent edition. As an appendix, a new Russian translation of Or. 18–19 based on seriously corrected editions of Maximus’ text is provided. KEYWORDS: Maximus of Tyre, Socrates, Plato, love.

О Максиме Тирском источники сообщают крайне скупо и путано. В ближайшем по времени, «Хронике» Евсевия Кесарийского († 339/340), сохранившейся лишь в армянском и латинском переводах, *Ἰστορικὴν ἀνακρίσιν* (*Maximus Tyrius*) приурочен к 2164 году от Авраама (149 от Р.Х.) и числится среди учителей (*ψαρησιώταις, praeceptores*) Марка Аврелия: он спутан с проконсулом Африки Клавдием Максимом, перед которым в 158 произнес свою «Апологию» Апулей. Источником Евсевия могла быть утраченная Φιλόσοφος ἱστορία земляка Максима Порфирия — с которым он тоже,

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020)

DOI: 10.25985/PI.13.2.16

* Перевод Or. 20–21 см. Гараджа 2021.

видимо, спутан в «Письме к Приску» (*Ep.* 12 Bidez-Cumont) императора Юлиана. Впрочем, здесь вопросы, скорее, к современным исследователям, которые лишь подливают масло в огонь неопределенности: достаточно популярно отождествление нашего автора с Кассием Максимом, другом Артемидора Далдианского, который называет его ἀνδρῶν σοφώτατος и посвящает ему первые три книги своего «Сонника» (ср. Pask 1963: xxv–xxvi). Единственное более или менее определенное свидетельство мы находим в словаре *Суда* (M 173), где Максим назван философом, жившим в Риме при императоре Коммоде (правил единолично в 180–192) и занимавшимся главным образом Сократом и Гомером. Оно воспроизводится в списке философов на последнем листе *Cod. Mosquensis S. Synodi* 6 (450), где перечислены Плотин, Порфирий, Прокл и другие неоплатоники, но первым поставлен именно наш автор.

Но всё-таки лучшим свидетельством о Максиме служат сами его «Речи» или «Рассуждения» (сам автор называет их λόγοι или σκέμματα, редакторы рукописей — διαλέξεις), сборник из 41 эссе на самые разные темы — из которых, впрочем, мы можем узнать Максима именно как автора, но не как реального человека. С Коммодом обрывается золотой век Антонинов: возможно, именно этим переломом объясняется то, что Максим столь решительно зажмурирует глаза на современную ему реальность, живя и дыша исключительно древностью и классическими образцами. Но этой же *Unzeitgemässigkeit* подстегивается интерес к его труду у последующих поколений, не ослабевающий вплоть до наших дней.

Сократ, Платон, Гомер, любовь, добро и зло, демоны — всё это не могло не вызвать интереса ренессансных ученых, получивших возможность познакомиться с Максимом, как только византийские рукописи начали вывозиться на Запад после падения Константинополя в 1453. Иоганн Рейхлин первым перевел на латынь (1488) одно из эссе Максима (*Or.* 41: «Если бог творит добро, то откуда зло?») и не раз упоминает его в своей *De arte cabalistica*. Первый полный перевод «Речей» на латынь осуществил Козимо де' Пацци, племянник Лоренцо де' Медичи: впервые изданный

в 1517, он затем не раз редактировался другими учеными, в том числе Анри Этьеном (Стефаном), который в 1557 первым издал греческий текст «Речей» (*editio princeps*) и одновременно — их латинский перевод (прославившие Стефана Ἄλαντα Платона появятся в 1578). Вдохновителем перевода Пацци выступил Ян Ласкарис (1445–1535), знаменитый «перевозчик» греческой культуры и учености на Запад, который, видимо, и доставил во Флоренцию древнейший манускрипт с Максимовыми «Речами» *Parisinus Graecus* 1962, датируемый концом 9 века — как и *Parisinus Graecus* 1807, древнейшая рукопись многих платоновских работ. Учеником Ласкариса был, между прочим, и «наш» Максим Грек. Флорентийские гуманисты и платоники не только пристально занимались Максимом, но и охотно использовали его в собственных работах: помимо Пацци, здесь прежде всего можно упомянуть Марсилио Фичино, Анджело Полициано и Дзаноби Аччаюоли.

Главная трудность для перевода Максима — протеевский характер его текста, упорно ускользающего — совсем как личность автора — от окончательной фиксации. После Стефана он издавался еще не раз. На протяжении почти всего 20 века стандартным изданием было тейбнеровское, подготовленное Германом Гобейном (Hobein 1910): именно на его текст опираются немногочисленные русские переводы речей Максима и именно он воспроизводится в *TLG* — куда, к сожалению, не попала самая ценная часть этого издания, а именно многоуровневый аппарат, включающий массу вторичных материалов (схолии, выдержки, маргиналии). Ключевой изъян Гобейнова издания — ошибочно выстроенная рукописная традиция, ведущая к ошибочным выборам чтений.

Ведь и издатель, и переводчик Максима постоянно должны *выбирать* — опираясь, конечно, на собственные суждение и вкус, так что об «ошибочности» здесь можно говорить лишь условно. Где, например, будет ошибка при выборе между *κάλλιστος* и *κάκιστος*? Контекст подсказывает второе, но Гобейн выбирает первое чтение, истолковав его как выражение иронии. Работа с подобным текстом напоминает сотворчество автора и читате-

ля, о котором говорит сам Максим (Or. 18.5). Изысканный ритор, охотно играющий словами и фигурами речи, ритмами и стилями, Максим нередко выражается предельно сжато, эллиптически, вынуждая издателя (как и переводчика) заполнять эти пробелы по своему разумению. Здесь тоже выбор определяется вкусом.

В самом конце 20 века почти одновременно появляются сразу два новых издания «Речей» (Трарп 1994 и Кониарис 1995), каждое по-своему замечательное. Оба исследователя — авторитетные специалисты по Максиму. Майкл Трапп дополняет свое издание превосходным литературным переводом «Речей» на английский (Трарп 1997). Джордж Кониарис сопровождает текст подробнейшим двухуровневым аппаратом. Наконец, Селена Брумана исправляет текст Траппа — в основном, опечатки типа Ἀλασίαν] Ἀσλασίαν, но и с оглядкой на Кониариса — и дает параллельный итальянский перевод (Brunana 2019). Настоящий русский перевод речей о «сократической любви» (Or. 18–19) следует этой же ориентации на оба современных издания Максима — но без уклона в буквализм, заметного в переводе Бруманы. Мы попытались, напротив, «подыграть» Максиму, отразив в переводе не только план содержания, но и план выражения — конечно, теми средствами, которые доступны и привычны именно в русском. Простейшие вещи не поддаются переводу между языками: так, гекзаметр по-гречески русским ухом будет воспринят как неустроенная, далекая от поэзии речи. Сам Максим рассуждает о такой привычке к наслаждению (Or. 21.5–6): предложи кому-то наслаждение, к которому он не привычен, и оно тут же обращается для него в мучение. Надеемся, что читатель воспримет с пониманием и не упустит *le plaisir du texte* в предлагаемом переводе Максима Тирского.

18. Что есть любовное искусство Сократа?

(1) Муж из Коринфа именем Эсхил чадом имел Актеона, красоты необычайной юношу дорийского. В Актеона влюбляется юнец коринфянин из рода Бакхиадов, а Бакхиады безраздельно правили Коринфом. Но юноша был целомудрен и в мудрости своей презрел бесчинного влюбленного. Тогда нагрянул тот к Актеону навеселе в компании других юнцов из Бакхиадов. Куражась под влиянием вина, тиранской власти и любовной страсти, они вломились в дом и попытались вывести его — домашние пытались удержать: те и другие юношу тянули с такою силой, что он погиб у них в руках¹. Эту трагедию в Коринфе сравнили с той, что некогда произошла в Беотии, поскольку оба юноши носили одно и то же имя и оба умерли: один убитый на охоте псами, другой — поклонниками во хмелю. У Периандра, тирана Амбракии, возлюбленным был юноша из граждан, но правды в этой связи не было, так что в ней правило бесчинство — не любовь. Своею властью упиваясь, тиран в подпитии шутит над юношей, и шутка эта положила конец бесчинству Периандра, а юношу, который был любви объектом, тираноубийцей сделала. Вот кара за любовь несправедную².

(2) А хочешь, приведу тебе один-два образца любви другого рода — праведной? У одного аттического юноши имелось два по-

¹ Версии истории см. D.S. 8.10 и Plu. M. 772d–773b: у обоих авторов Актеон — сын (υῖός) *Мелисса*, а поклонник-гибрист — Архий, основатель Сиракуз, как раз из-за этого случая покинувший Коринф. У Максима погибший определен как *παῖς Ἐσχιλά*, что многими (начиная с Дюбнера) трактовалось как 'возлюбленный' (= *παδικά*). Но почему не принять *παῖς* в расхожем значении 'раба' — молодого домашнего «хлопца», для которого хозяин дома — «отец родной»? Этим Максим мог подчеркнуть «несправедность» любви к *неравному*. В похожем ключе Плутарх выводит мораль этой истории, рассказывая о смерти Архия от руки другого его «любимца» Телефа — видимо, тоже не разделявшего его чувства.

² В оригинале «правда» и «кара» переданы одним многозначным — и многозначительным — термином *δίκη*. «Несправедность» любви означает отсутствие в ней «правды», «лада», «закона» (и наличие «кривды», «разлада» и гибристического «бесчинства»), подразумевающих *равенство* влюбленных во всем, кроме активности/пассивности любовника и возлюбленного, *эраста* и *эромена*, соответственно. Аристотель передает суть шутки: Периандр спросил у своего возлюбленного, не успел ли тот уже от него забеременеть (*Pol.* 1311a39–b1).

клонника — согражданин один, тиран другой: первый был праведно влюблен в силу общественного равенства двоих, второй — несправедно из-за своей верховной власти. Сам юноша был истинно красив, любви достоин, так что тирана он отверг — приветил гражданина. Тиран, пришедши в ярость, пытался в грязь втоптать обоих — даже прогнал с позором сестру Гармодия, которая пришла на празднество Панафиней принять участие в процессии корзиноносц. Писистратиды понесли за это кару, так что своих свобод происхождением афиняне обязаны тиранову бесчинству, отваге юноши, и праведной любви, и добродетели влюбленного. Эпаминонд освобождает от лакедемонян Фивы при помощи такой вот страгаемы любовной. Среди фиванцев насчитывалось много молодых людей, влюбленных в такое же количество красивых юношей. Вооружив влюбленных и их возлюбленных, Эпаминонд собрал любви отряд священный — ужасный и непобедимый, державший плотный и несокрушимый строй: такого даже Нестор, искуснейший из полководцев, не выставлял у Трои, ни Гераклиды при вторжении в Пелопоннес, ни, наконец, пелопоннесцы при нападении на Аттику³. Ведь каждый из любовников был должен проявлять себя героем — из честолюбия, сражаясь на глазах любимого, но также из необходимости, поскольку надо было защищать того, кто был ему всего дороже; и в то же время юноши соревновались в доблестях с влюбленными, вроде того как на охоте щенки несутся наперегонки с псами постарше⁴.

(3) И что же я хочу сказать, упомянув Эпаминонда и Гармодия и прочие истории — любви несправедной? А то, что двойственную вещь — которая и добродетели полна, и срощена с пороком — люди зовут одним словом «любовь», давая это имя и богу, и бо-

³ История Гармодия и Аристоклитона, подробно рассказанная у Фукидида (6.54–59), упоминается в речи Павсания в платоновском «Пире» (182c), «любовная страгаема» Эпаминонда (ум. 362) — в речи Федра (178e, ср. также X. *Smp.* 8.32–34). Плутарх — а вслед за ним и Полиэн (2.5.1) — приписывает создание фиванского «священного отряда» беотарху Горгиду (*Pel.* 18).

⁴ Ср. у Платона: «надо брать с собой детей и на войну — конечно, зрителями, на конях, а где безопасно, так и поближе; пусть они отведают крови, словно щенки» (*R.* 537a, пер. А.Н. Егунова).

лезни⁵. Поэтому и хорохорятся любовники порочные — ведь они делят имя с богом, — а честные страдают недоверием — из-за двусмысленности этой страсти. Допустим, мы хотим проверить двух серебра пробирщиков — кто подлинный металл сумеет распознать, а кто не сможет. Того, кто подлинному предпочтет что-то, что таковым лишь кажется, мы сразу посчитаем далеким от искусства, зато того, кто распознает истинное серебро, признаем знатоком и мастером. Вот так же испытаем и любовное искусство, соотнеся его вместо монеты с природою прекрасного⁶. Две стороны прекрасного: с одной — то, что лишь кажется, с другой — прекрасное, которое и есть, и кажется; раз так, тогда с необходимостью выходит, что те, кто жаждет красоты лишь кажущейся, но не сущей, — поддельные и незаконные любовники, а кто стремится к красоте, которая и есть, и кажется, — вот истые любовники истинной красоты.

(4) Что ж, если этим следует испытывать и взвешивать любовное — как в речи, так и в человеке, — то надо нам решиться растолковать и о Сократе, что́ значит то, что он твердит в своих беседах, когда сам называет себя «служителем любви», «белым шнурком перед красавцами» и «в мастерстве искусным»?⁷ Но он не забывает своих учителей в этом искусстве — Аспасию Милетскую и Диотиму Мантинянку, и сам берет учеников — высокомернейшего Алкивиада, прелестнейшего Критобула, изящнейшего Агафона,

⁵ У Платона двойственность Эрота определяется через двойственность Афродиты (*Smp.* 180e); чуть выше в «Пире» (180c sq.) Федр и Агафон называют Эрота богом — против Сократова определения его как демона (202d–203a); о связи бесчинного Эрота-гибриста с болезнями говорит Эриксимак (188ab).

⁶ Искусство пробирщика серебра сравнивает с занятием философа Эпиктет (*Arg. Epict.* 1.20.7–8), Аристотель — с суждением (*Rh.* 137b5).

⁷ Испытание любви описывается глаголом βασιζειν ‘испытывать пробным камнем (золото); пытаться с пристрастием’ в «Пире» (184a). Там же Диотима называет Сократа «служителем (θεράπων) Афродиты» (203c2); τὴν τέχνην δεινός переключается с самоопределением Сократа как δεινός τὰ ἔρωτικά (198d1–2). «Белым шнурком (λευκῆ στήθην) перед красавцами», т.е. неспособным оценивать их здраво (см. Hsch. Λ 729 и Suid. Λ 325), Сократ называет себя в Хармиде (154b9).

и Федра «боговдохновенного», и юного Лисида, ну и прекрасно Хармида. Он не скрывает ничего из своих опытов любовных — ни дел, ни чувств — и, кажется, выкладывает всё откровенно. Он говорит, как колотилось его сердце, а тело прошибало потом над Хармидом, как был взволнован он и возбужден, точно вакханты, над Алкивиадом, как взор его за Автоликом влекся, словно за светочем в ночи⁸. Когда он учреждает город благих мужей и уложения для отличившихся в бою, им присуждает не венки, не статуи, по вздорной эллинской традиции, но право для героя поцеловать, кого ни пожелает из красавцев. Что за чудесная награда! И об Эроте в мифе, о нем придуманном, сам говорит, каков он есть: внешне уродлив, беден — так на Сократа самого участь похожа! — и босоног, спит на земле, коварен, хищен, чародей, софист, колдун⁹ — всё ровно то, чем самого Сократа дразнили сочинители комедий на Дионисиях. И всё это он говорил чуть ли не в самой гуще эллинов, как дома, так и на людях, и на пирах, и в Академии, в Пирее, и на дороге под платаном, и в Ликее¹⁰. А обо всём прочем, впрочем, — и добродетели теориях, и о богах учениях, и вообще всём остальном, чем так софисты зазнавались, — он отвергал всякое знание — но для любовного искусства делал исключение, его определяя своим знанием и сферой приложения¹¹.

(5) Что же имел в виду Сократ, когда так остроумничал, пускай иносказательно, пусть даже иронически? Пускай ответят нам на это за Сократа Платон или, возможно, Ксенофонт, Эсхин, или еще кто-то из тех, кто говорит с ним в один голос. Сам я, признаться, изумлен и потрясен тем, что поэзию Гомера вкупе с самим Гомером он выслал, исключив из воспитанья молодежи, из своего

⁸ Ср. Pl. *Mx.* 235e и 249d (Аспасия), *Smp.* 201d (Диотима) и 215a (Алкивиад), 213c (Агафон), *Phdr.* 234d6 (Федр, τὴν θεῖαν κεφαλήν); Лисида и Хармиду, как и Федру, посвящены отдельные платоновские диалоги. У Платона сердце колотится у Алкивида при виде Сократа (*Smp.* 155d), сам Сократ «воспламеняется» при виде Хармидова «прибора» (*Chrm.* 155d). О красоте Критобула, сына Критона, и Автолике, как будто «в ночи светоч» влекущего все взоры, см. X. *Smp.* 3.7 и 1.9.

⁹ Ср. Pl. *Smp.* 203c sq. (рассказ о демоне/гении Эроте).

¹⁰ Ср. Pl. *Ly.* 203ab (Академия и Ликей), *R.* 327a (Пирей), *Phdr.* 230b (платан).

¹¹ Ср. Pl. *Smp.* 177de, *Thg.* 128b, etc.

столь изумительного государства, при этом увенчав поэта и миром умастив¹², — тот обвинялся в откровенности своих стихов, где он изобразил, к примеру, как с Герой сходится на Иде Зевс, прикрывши боготворным облаком себя и спутницу, совокупление Ареса с Афродитой, с Гефестовой сетью, и как пьют и смеются смехом неумолчным боги, и Аполлона в бегстве от гонящего бога Ахиллеса¹³:

Смертный, преследуешь бога бессмертного?¹⁴

И как горюют боги:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных, —
Зевс говорит, и вот еще:

Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей! —

так говорит Фетида¹⁵. Как и все прочие иносказания о богах, которые Гомер поведал, ну а Сократ нашел, в чем упрекнуть¹⁶. Но ведь и сам Сократ, любовник мудрости, нужды превозмогатель, враг наслаждения, друг истины, свои беседы разбавляет настолько ненадежными, опасными речами, что кажутся в сравнении вполне невинными Гомеровы иносказания. Каждый, кто слышит такого рода вещи о Зевсе, Аполлоне, Фетиде и Гефесте, сразу смекнет, что речь ведется об одном, но намекает на другое. Презрев усладу слуха, он соревнуется, соратует с поэтом, взлетает вместе с ним в воображении, сосоздает сказание, не доверяя произволу мифа и вместе радуясь ему¹⁷. Но вот Сократ, чьею правдивостью нам уши прожужжали, в своих иносказаниях куда рискованней — его рассказы достоверны, изображения сильны, поступки непохожи. Сократ ведь вообще сам на себя же не похож: охваченный любовью — и скромник целомудренный, кто пред красавцами сбит с

¹² Ср. Pl. R. 377a sq. и особенно 398a.

¹³ Ср. Il. 14.292–353, Pl. R. 390bc (Зевс с Герой); Od. 8.266–366, Pl. R. 390c (Арес, Афродита и Гефест); Il. 1.597 sq. и 4.1–4, Pl. R. 388e–389a (пиршество и смех богов); Il. 21.599 sq. и 22.15–20, Pl. R. 391a (Аполлон и Ахиллес).

¹⁴ Il. 22.9 (пер. Н.И. Гнедича).

¹⁵ Il. 16.433 и 18.54 (пер. Н.И. Гнедича), Pl. R. 388bc.

¹⁶ Ср. Pl. R. 378d.

¹⁷ Максим не раз обсуждает творческое соучастие слушателя (ср. Or. 17.4).

толку — и кто изобличает бестолковых, кто Лисию в любовном мастерстве соперник, кто от касанья Критобула воспламеняется, кто заявляется с охоты на прелесть юную Алкивиада, кто потрясен до глубины души Хармидом¹⁸. Как вяжется такое с философской жизнью? Перед народом откровенность, свободолюбие перед тиранами, и героизм при Делии, презренье к судьям, путь в темницу, готовность к смерти — совсем со всем этим не вяжется¹⁹. Когда всё это было правдой, об этом стоило ему хранить молчание. Но если так, позорными словами, пытается иносказать он о делах прекрасных, такой путь труден и опасен. Ведь прикрывать прекрасное позорным и через вредное показывать полезное — так делает, скорей, не тот, кто хочет пользу принести — ведь польза тут не очевидна, — а тот, кто хочет навредить — ведь навредить так просто! Вот что, я думаю, сказал бы Фрасимах, и Каллий или Пол²⁰, или любой другой противник философии Сократа.

(6) Давайте же поддержим слово [Сократово] и перестанем болтать пустое! Мне кажется, пусть и хочу так сделать, только навряд ли потяну — а нужно вместе и хотеть, и мочь. Поступим же для облегчения слова нашего, как делают в опасности иные вызванные в суд: в свою защиту выступая, не только спорят с тем, что послужило причиной обвинения, но исподволь стараются переложить вину на более достойных, так что их собственные правонарушения в сравнении приуменьшаются. Так вот и мы сейчас повременим немного рассматривать, прав или нет Сократ в том, что и как он делал, и вот что скажем этим страшным обвинителям. Вы, граждане, по-моему, — наветчики почище Анита и Мелета²¹. Те на Сократа заявляли несправедное поведение и развращенье

¹⁸ Ср. Pl. *Phdr.* 234d (любовное сочинение Лисия); X. *Smp.* 4.28 (прикосновение Критобула); Pl. *Prt.* 309ab (возвращение с охоты за юной красотой Алкивиада: почти точная цитата у Максима); *Chrm.* 155cd (реакция на Хармида).

¹⁹ Ср. Pl. *Ap.* 31e–32d (παρρησία перед народом Афин и Тридцатью тиранами); *La.* 181b (героизм при Делии); *Ap.*, *Cri.*, *Phd.* *passim* (последний путь Сократа).

²⁰ Фрасимах — участник платоновского диалога «Государство», Каллик (не Каллий — персонаж ксенофоновского «Пира»!) и Пол — диалога «Горгий».

²¹ Ср. Pl. *Ap.* 18bc. Сократ называет их «моими страшными обвинителями» (οἱ δεινοὶ εἰσὶν μου κατήγοροι); σοκοφάνται передаем как «наветчики».

молодежи, и говорили, что это Сократова неправда тиранствовать толкнула Крития, бесчинствовать — Алкивиада, и он «худшее слово делал лучшим», еще платаном и собакой клялся²²; однако эти страшные наветчики любовных дел Сократа не касались, и даже самый страшный из обвинителей Аристофан²³, Сократа на смех поднимая на Дионисиях, любви Сократа не корит, хотя его и нищепродом называет, и болтуном, софистом — кем угодно, но только не плохим любовником. Как видно, с этой стороны он ни наветчикам, ни сочинителям комедий зацепок не давал.

(7) И потому-то ускользнула она [любовь Сократа] и от афинского театра, и от афинского суда. Поборемся, однако, и против этих новых обвинителей (которые не непреоборимей прежних) сначала вот как. Занятие любовью совсем не одному Сократу свойственно — оно куда древней²⁴. Свидетелем привлечь мы можем самого Сократа, который дело это восхваляет, им восхищается, однако отрицает, что он его изобретатель. Когда любовную речь Лисия, сына Кефала, ему Федр Мирринунтский показал, Сократ сказал, что он не удивлен тому, что грудь его наполнилась, словно сосуд, чужими струями — возможно, от Сапфо прекрасной (ему так нравится ее именовать по прелести ее напевов, хотя на самом деле была она чернявой коротышкой), а может быть, от мудрого Анакреонта²⁵. И свое слово на том пиру Эроту в похвалу Сократ приписывает женщине из Мантинеи. Но кто бы ни был слова матерью, Лесбийка или Мантинеянка, во всяком случае речи любовные не одному Сократу свойственны, и он здесь не был первым²⁶. Давайте же рассмотрим это, начав с Гомера.

²² Ср. Pl. Ap. 24b sq. (ἀδικία и «порча» молодежи), X. Mem. 1.2.12 (гибристические наклонности Крития и Алкивиада); Pl. Ap. 19b, etc. (софистический подрыв иерархии логоса, когда худшее слово выдают за лучшее, кривду — за правду); Phdr. 236d (клятва платаном — случайно попавшимся Сократу на глаза); Grg. 461a, etc. (клятва собакой; ср. о ней Phot. K 1202 и Suid. K 327).

²³ Ср. Pl. Ap. 18d, 19c.

²⁴ Τὸ ἐρωτικὸν ἐλιττήδευμα предполагает «занятие любовью» и в теории (лого-с/речи), и на практике — эротический образ жизни, культивирующей любовь.

²⁵ Ср. Pl. Phdr. 230e sq. (речь Лисия) и 235c (Сапфо и Анакреонт).

²⁶ Ср. Pl. Smr. 201d sq.

(8) Гомер ведь, кажется мне, превосходит своей многоголосицей и удивительно умеет сплестать в повествовании прекрасное с позорным, так чтобы мы хватались за одно, другого избегали. А прочее он излагал совсем наивно, по-старинке — как врачевать, как править колесницей, как войско расставлять. Так, он советует пускаться на повороте коня, что слева, вплотную ко столбу, больному подносит кикеон на Прамнийском вине и худших воинов посередине лучших расставляет, а конных отделяет от пехотинцев²⁶ — премудрости такого рода могут лишь вызвать смех у современных полководцев, возникших и врачей. Но в области любви он разбирает всё подробно: и действия, и возраста, и виды, и страдания, всё в ней прекрасное с позорным наравне, любовь и сдержанную, и распутную, и праведную, и бесчинную, и одержимую, и нежную. Уж в этом он совсем не устарел, но удивительно умел — с ныне живущими ровень²⁷.

В первой же книге — двое, влюбленных в одну пленницу: дерзок и страстью одержим один, другой учтив и полон чувств. Один с горящими глазами кругом всех распекает и бранит; другой уединяется, забросив все дела, и проливает слезы лежа, и тоскует, и обещает прочь отплыть — но никуда не уезжает. Иначе выглядит распутная любовь: так он рисует Александра, который может бросить бой, чтобы взойти на ложе, — неисправимым сластолюбом. Но есть и праведная у него любовь, взаимная и равная, как между Андромахою и Гектором: она мужа зовет отцом и братом и любовником, и всеми ласковыми именами; а Гектор говорит, что и о матери он не заботится настолько, как о ней²⁸. Поэт изображал любовь, которой голая земля — постель, как между Герою и Зевсом, и женихов бесчинную любовь, и чародейскую любовь Калипсо, любовь-отраву Кирки²⁹ и, наконец, любовь мужскую в обра-

²⁶ Ср. *Pl. Ion* 537b, 538bc, 540dsq. и *X. Smp.* 4.6–7.

²⁷ *Il.* 5.304 (пер. Н.И. Гнедича изменен).

²⁸ Ср. *Il.* 1.26 sq., 101 sq., etc. (Агамемнон); 1.169 sq., 306 sq., 348 sq. (Ахиллес); 3.380 sq. (Парис); 6.429–430, 450–455 (Гектор и Андромаха).

²⁹ Ср. *Il.* 14.152–353 (Гера и Зевс); *Od.* 1.144–154, 231–251, etc. (женихи); 1.14–15, 55 sq. (τὸν γόητα [ἔρωτα] Калипсо); 10.135 sq. (τὸν φαρμακέα [ἔρωτα] Кирки).

зе Патрокла, приобретаемую длительным трудом и сохраняемую вплоть до самой смерти: оба юны, прекрасны и целомудренны, один из них — учитель и обучаемый — другой. Один печалится, другой приободряет, один поет, другой внимает. И это тоже проявление любви — когда, желая выйти в бой, один льет слезы, полагая, что этого не выдержит любовник. Последний уступает, и облачает того в свои доспехи, а когда медлит возвратиться тот, страшно волнуется, когда же умирает — и сам желает умереть, и гнев свой оставляет. К любви же — мороки ночные и сновидения, и слезы, и последний дар — локон волос при погребении³⁰. Вот так Гомер изображает то, что к любви относится.

(9) А Гесиоду Музы что поют? Конечно, только о любви — и женщин, и мужчин, царей, рек и растений³¹. Я Архилохову любовь — бесчинную, — пожалуй, пропущу³². Но разве же любовь Лесбийки (если уместно древних сравнивать с недавними) — не то же самое, на самом деле, что и Сократово любовное искусство? Каждый из них, мне кажется, преследовал особую приязнь — к женскому полу у одной, к мужскому у другого³³. Тот и другая говорили, что любили многих, пленяясь всеми, кто прекрасен. Кем были для того Алкивиад, Хармид и Федр, тем для Лесбийки были Гирина, Атфида и Анактория. Кем для Сократа были Продик, Горгий, Фрасимах и Протагор, соперники в искусстве, тем были для Сапфо Горго и Андромеда. Она сначала упрекает их, потом опровергает, при этом и лукавит с поистине сократовской иронией. «Привет тебе, тот самый Ион!» — говорит Сократ.

Приветов много

Дочери Полианакта шлю я, —

так говорит Сапфо³⁴. Сократ рассказывает, что он не подходил

³⁰ Ср. *Il.* 9.185–191, 11.785 *sq.*, 16.2.130 *sq.*, 18.3 *sq.*, 19.55 *sq.*, 23.62 *sq.*, 23.140–154.

³¹ В этой сохранившейся только у Максима ссылке на Γυναϊκῶν κατάλογος Гесиода неуместных «царей» издатели правили на «ветров», «морей» и т.д.

³² Ср. *Ael. VH* 10.13 (нелицеприятное суждение Крития об Архилохе).

³³ Δοκοῦσιν γάρ μοι τὴν καθ' αὐτὸν [= κατὰ τὸ ἑαυτοῦ φύλον Koniaris] ἑκάτερος φίλιαν, ἢ μὲν γυναικῶν, ὁ δὲ ἀρρένων, ἐπιτηδεῦσαι.

³⁴ *Pl. Ion* 530a; *Sapph. fr.* 155 Lobel-Page; здесь и далее фрагменты Сапфо цитируются в переводе В.В. Вересаева (с незначительными изменениями).

к Алкивиаду, хоть и любил давно, пока не посчитал его созревшим для рассуждений.

Ты невзрачным ребенком еще представлялась мне, — говорит Сапфо³⁵. Он потешается над тем, как выглядит софист, и как он возлежит на ложе. А у нее выводится

В столу одетая деревенщина³⁶.

Сократу Диотима говорит, что не дитя Эрот, но спутник и служитель Афродиты. И у Сапфо в одной из песен Афродита:

ты и он, Эрот, служитель мой³⁷.

Как Диотима говорит, любовь цветет в достатке и умирает при нужде. О том же говорит Сапфо эпитетами «сладкогорькая» и «боль даящая». Сократ любовь «софистом» называет, Сапфо же — «мифоплетом»³⁸. Сократа любовь к Федру погружает в вакхическое исступление, ну а для той —

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Души потряс нам Эрот...³⁹

Сократ Ксантиппу распекает, которая горюет о том, что он умрет, Сапфо же — свою дочь:

В этом доме, дитя, полном служенья Музам,
Скорби быть не должно: нам неприлично плакать⁴⁰.

Искусство теосского мудреца — такого же характера и склада. Все, кто прекрасен, тоже им любимы, и всех он восхваляет. Волосы Смердия и очи Клеобула, и прелесть юная Бафилла — всё это наполняет его песни⁴¹. Но даже здесь ты видишь сдержанность:

³⁵ Sapph. fr. 49.2 Lobel-Page.

³⁶ Ср. Pl. *Prt.* 314e sq.; Sapph. fr. 57.1–2 Lobel-Page.

³⁷ Pl. *Smp.* 203e, ср. 178ab; Sapph. fr. 159 Lobel-Page.

³⁸ Pl. *Smp.* 203de, особ. d8 (δαινός γόνος καὶ φαρμακεὺς καὶ σοφιστής) и e1–5 (Эрот цветет и умирает и снова возрождается в один и тот же день); Sapph. fr. 130.2 (γλυκύπικρος), 172 (ἀλγεσιδωρον), 188 (μυθοπλόκον) Lobel-Page.

³⁹ Pl. *Phdr.* 253a; Sapph. fr. 47 Lobel-Page.

⁴⁰ Pl. *Phd.* 60a; Sapph. fr. 150 Lobel-Page.

⁴¹ Ср. Anacr. fr. 357, 359, 366 (12, 14, 21) Page. Анакреонт был родом из Теоса.

Хочу с тобой быть юным, —
говорит, —

Ведь у тебе прекрасный нрав.

Еще он говорит, что праведность есть украшение любви. А тут он, кажется, тайну искусства своего раскрыл:

Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы:
И приятно петь умею, говорить могу приятно⁴².

И то же о Сократе высказал Алкивиад, сравнив его очарование с игрою на свирели Олимпа с Марсием. О боги! Кто, кроме Тимарха, любовника такого упрекнет?⁴³

19. Еще раз о любви

(1) Давайте же подхватим речи о любви, как будто до сих пор мы были лишь в начале долгого пути, и после краткой передышки пройдем до самого конца, призвав в проводники Гермеса Логия и Убеждение, Харит и самого Эрота. Наш замысел рискован и касается вещей немаловажных, не случайных. Ведь рядом с торною дорогой речи о любви — крутой обрыв, и следует одно из двух: либо как любящие хорошо продолжить безопасный путь, либо как любящие плохо свернуть с пути и сверзиться с обрыва. Именно это и Сократа нашего пугало, когда он обнаружил, что страсть эта любовная по всей Элладе разрослась, в Афинах — всего пуще, и всюду находил полным-полно неправедных любовников и юношей обманутых. Конечно, он жалел тех и других за то, что обе партии терпели, но не имел возможности бесчинство их пресечь законом (ведь не был ни Ликургом, ни Солоном и не Клисфеном, ни кем-либо еще, кому была бы власть верховная доверена у эллинов), или принудить к лучшей жизни своим авторитетом (тут нужен был Геракл или Тесей или какой иной престрогий цензор), или их словом убедить (ведь вожделение, когда распалено,

⁴² Анас. fr. 402 (57)a–c Page (402c в переводе В.В. Вересаева).

⁴³ Ср. Pl. *Smp.* 215bc. Афинский политик Тимарх, союзник Демосфена, был поражен в правах, проиграв в 346/345 процесс против Эсхина, обвинившего его в том, что в прошлом он был мальчиком-проституттом (*Aeschin. Or.* 1).

до грани одержимости доходит, слушать не склонно). И вот Сократ, который был не в состоянии ни полностью оставить без внимания юнцов и юношей, ни от попыток их спасти устать, придумал вот какого рода механизм для воспитания добровольного⁴⁴.

(2) Я объясню это, слепив историю под стать басням Фригийца⁴⁵. Шагали раз одной дорогою пастух и магир. Увидели они упитанного агнца, бродящего вдали от стада, отбившись от товарищей, и оба бросились к нему. А был тогда у человека и животных один язык. Агнец спросил, кто из двоих хочет заняться им и повести. Когда же узнал правду, какое было ремесло у каждого, препоручил себя и вверил пастуху. «Ты ведь убийца и палач стада овечьего, а он вполне доволен, когда у нас всё хорошо идет». Так вот, сравни, если угодно, согласно басне, любовников дурных с толпою магиров, Сократа — с пастырем одним, а юношей аттических — с заблудшими созданными, которые взаправду — а не по прихоти сказанья — по-человечески умеют говорить. Что будет делать такой пастырь, увидев, как охочи до юной прелести все эти палачи, как устремляются за ней бегом? Разве потерпит он и промолчит и станет праздно в стороне стоять? Тогда он сам бы оказался убийцею почище этих палачей. Конечно же, он тоже побежит и с теми разделит охоту и погоню — но не на равных с ними. Сторонний наблюдатель, кому [Сократово] искусство невдомек, как и причина бега, решил бы, что и он за юношами носится тем на погибель. Но если он повременит, дождется результата, то станет бег расхваливать и рвению подражать, ловцом тем восхищаться, добычу поздравлять. Вот почему и говорил Сократ, что любит, и любит всех, вот почему и побежал с другими гоняться за красавцами — любовников, бежавших вместе с ним, опережая и перехватывая палачей. Он к трудностям готов был лучше них, и был в любви искусней, прицельнее в отлове. Иного в общем-то и ожидать нельзя было. Ведь для других «любовью» называлось

⁴⁴ Из этой и следующей главки следует, что Максимов Сократ не просто «занимался любовью» (ср. *Ог.* 18.7), но и боролся с поветрием ее «неправедной» версии путем погружения; *σωφρονιστής* переводим как «цензор».

⁴⁵ То есть Эзопа. Ср. *Pl. Phd.* бос о басне, которую *мог бы* сочинить Эзоп.

вожделение, блуждающее в море наслаждений; ее начало — тела цвет, который на глаза попался и в душу через них запал: для красоты глаза — путепроводы⁴⁶. Тогда как для Сократа любовь, хотя по рвению была такой же, как у прочих, по вождельню отличалась, и в наслаждении была благоразумней, нацеленней на добродетель; ее начало — цвет души, просвечивающий сквозь тело, как ты можешь себе представить, взяв для примера красоту реки, текущей через луг: цветы на нем и так прекрасны, но получают зримый глазом блеск из-за воды. Так же способен цвет души, возрастающий в красивом теле: он обретает блеск благодаря ему, и блещет, и просвечивает сквозь. Юная прелесть тел — не что иное, как цвет грядущей добродетели, как бы початок зрелой красоты⁴⁷. Как некое свеченье предваряет солнца явление над горными вершинами, и это зрелище — глазам отрада, поскольку в нем — предвосхищение грядущего, так же и над поверхностями тела некая прелесть предваряет сияние души, и это зрелище — философам отрада, коль скоро в нем — предвосхищение грядущего.

(3) Но фессалиец, видно, жеребенка будет любить, теленка — египтянин, щенка — спартанец⁴⁸. Однако для того, кто любит человека и это существо выращивать желает, пример не подадут ни египтянин-земледелец, ни фессалийский коневод, ни, наконец, лаконский ловчий, ибо у них забота приносит этим существам только тяжелый труд. Любовник-человеколюбец же заботой о любимцах на сообщение с ними в добродетели нацелен, заботится достойнейшего выбрать, а всех достойней самые красивые, ввиду предвосхищения добродетели. И красота, хотя она одна и та же, в глазах порочных представляется иной, чем для любовников законных. Вот так и меч, хотя один и тот же, для воина-героя и для палача будет казаться разным. Иначе смотрит Одиссей на Пенелопу, иначе — Евримах. По-разному на солнце смотрят Пифагор

⁴⁶ Ср. Pl. *Phdr.* 250b sq. о привилегии зрения; параллель к ὁδοὶ γὰρ κάλλους οἱ ὀφθαλμοὶ находим у Ахилла Татия: ὀφθαλμὸς γὰρ ὁδὸς ἐρωτικῶ τραύματι (1.4.4). Переводим ἄνθος σώματος/ψυχῆς как «цвет тела/души».

⁴⁷ Образ ψυχῆς ἄνθος, μελλούσης ἀρετῆς ἄνθος — отзвук Pl. *Phdr.* 250cd — переключается с описанием радуги и «цветения» (ἀνθηρόν) у Плутарха (*M.* 765e).

⁴⁸ Еще одна переключка с Плутархом (*M.* 767a).

с Анаксагором: в нем бога видит Пифагор, Анаксагор в нем видит камень. За добродетелью в погоню не одинаково стремятся Сократ и Эпикур: Сократ любовью к счастью подгоняем, а Эпикур — любовью к наслаждению. И точно так же за красивым телом в погони разные пускаются Сократ с Клисфеном — Сократ, влюбленный в добродетель, влюбленный в наслаждение Клисфен⁴⁹.

(4) А посему, когда услышишь, что «влюблен» философ и что «влюблен» порочный человек, не применяй одно и то же имя к их состоянию. Один беснуется, ужален наслаждением, другой же в красоту влюблен. Один болеет поневоле, любит другой по своей воле. Любит один любимому во благо, другой — обоим на погибель. Одна любовь рождает добродетель, другая — лишь бесчинство. У одного любовь приводит к дружбе, к вражде приводит у другого. Одна любовь мзды не берет, другая же продажна. Одна достойна похвалы, но порицания — другая. Присуща эллинам одна, другая — варварам. Одну определяет мужество, изнеженность — другую. Одна тверда, другая суетлива. Муж, любящий одной любовью, — друг бога, друг закона, исполнен уважения и прямоты в речах; он днем любимого лелеет и горд свою любовь явить: в гимнасии с ним вместе борется, на беговой дорожке вместе, и вместе гонят на охоте псов, и вместе на войне геройствуют, друг с другом счастье разделяют, и смерть когда настигнет одного, другой с ним вместе умирает; чтобы с любимым вместе быть, ему не нужно темноты, уединения не нужно. А вот другой любовник — враг богам, поскольку он фальшив, закону враг, поскольку лиходей; он боязлив, уныл, не знает уваженья, уединенья друг и ночи и тайных логовищ, который не желает нипочем, чтобы увидели, как он проводит дни с любимыми, от солнца убегает, не отпускает ночь и темноту,

туман напускает,

Для пастухов не желанный, но вору⁵⁰ —

⁴⁹ Трапп (1997: 172, п 12) предполагает ошибку переписчика «Клисфен» вместо «Критобул», но скорее здесь имеется в виду не законодатель Клисфен, а его женоподобный тезка, часто высмеиваемый Аристофаном (см., напр., *Nu.* 355).

⁵⁰ Ном. *Il.* 3.10–11 (пер. В.В. Вересаева с изменениями).

это благо. Один подобен пастуху, вору — другой, который молится о том, чтобы укрыться: он знает, что творит дурное, но даже зная, всё же наслаждением влечется. Вроде того, что происходит с посевом на корню: его заботливо снимает земледелец, а вор бро- сается и рвет и губит и уничтожает.

(5) Видишь ты тело в цвету, плодами богатое? Этот цветок ты не тронь, не оскверни, не марай. Лучше его восхвали, как дерево некогда путник, заметь:

Близ алтаря Аполлона [на Делосе в давнее время]
Видел такую же я молодую и стройную пальму⁵¹.

Деревце ты пощади Аполлона и Зевса, выжди, покуда плоды при- несет, — и тем праведней будешь любим ты. Нетрудно это дело — не только для Сократа, не только для философа. Во время оно некий спартиат — в Ликее не был вскормлен он, ни подготовлен в Академии, ни образован в философии — случайно встретил юно- шу из варваров, но красоты неопикуемой и только что в пору цве- тения вступившего. В него влюбился он — могло ли быть иначе? — но дальше глаз любовь его не заходила. И я скорее бы прославил его, Агесилая, подвиг, чем боевую доблесть Леонида: любовь ку- да сложнее одолеть, чем Варвара, стрелы любви и ранят глубже каких угодно кадусийских или мидийских стрел. И что? Ксеркс, Леонида павшего переступив, проник-таки за Пилы; а между тем любовь Агесилая, достигши глаз его, там и осталась, у врат души. Это свершение Агесилая считаю я достойней похвалы, чем то, как гналса он за Тиссаферном, как победил фиванцев, как стойко вы- нес бичеванье. Всё это им достигнуто за счет телесной подготов- ки и воспитания, а то было делом души — которую подверг он настоящим и упражнению, и бичеванию⁵².

⁵¹ *Hom. Od.* 6.162–163 (пер. В.В. Вересаева).

⁵² *Ср. X. Ages.* 5.4–5 (любовь к персу Мегабату), 1.1–38 (кампания против Тис- саферна), 2.6–16 (война с Фивами). О порке спартанских мальчиков, соревнова- шихся в том, кто лучше выдержит бичевание, сообщает Плутарх (*M.* 239d).

Литература

- Гараджа, А.В., пер. (2021), “Максим Тирский о сократической любви (Or. 20–21)”, ΣΧΟΛΗ (*Schole*) 15.1: 422–435.
- Brumana, Selene I.S., ed. (2019), *Massimo di Tiro. Dissertazioni*. Saggio introduttivo, traduzione, note e apparati. Milano: Bompiani.
- Dübner, J. Friedrich, ed. (1840), *Maximi Tyrii Dissertationes*. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot.
- Garadja, A.V., tr. (2021), “Maximus of Tyre on Socratic Love (Or. 20–21)”, ΣΧΟΛΗ (*Schole*) 15.1: 422–435. (In Russian.)
- Hobein, Hermann, ed. (1910), *Maximi Tyrii Philosophumena*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Koniaris, G.L., ed. (1995), *Maximus Tyrius. Philosophumena — ΔΙΑΛΕΞΕΙΣ*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Pack, R.A., ed. (1963), *Artemidori Daldiani Onirocriticorum libri V*. Lipsiae: in aedibus Teubneri.
- Trapp, M.B., ed. (1994), *Maximus Tyrius. Dissertationes*. Stutgardiae et Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Trapp, M.B., tr. (1997), *Maximus of Tyre. The Philosophical Orations*. Translated, with an Introduction and Notes. Oxford: Clarendon Press.